

Гэта і вырашыла незабязнаць крызісу, у якім апынулася сельская гаспадарка ў пачатку 50-х гадоў. Гэты крызіс праявіўся ў далейшым зніжэнні вытворчасці і нездольнасці вёскі забяспечыць насельніцтва прадуктамі харчавання ў дастатковай ступені.

ЛІТАРАТУРЫ

1. Белозорович В.А. Западнобелорусская деревня в 1939 – 1953 годах. – Гродно, 2004. – 148 с.
2. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.212. Протоколы №№ 23 – 41 заседаний бюро Ганцевичского райкома КП(б)Б. Июль – декабрь 1950 г.
3. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.929. Протокол 5-го пленума Пинского обкома КП(б)Б. 1950 г.
4. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.798. Протоколы районных партийных собраний Ганцевичского района. 1949 г.
5. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.869.
6. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.224. Списки Ганцевичского райкома КП(б)Б об экономическом состоянии колхозов в области за 1950г.
7. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.227. Протоколы пленумов Ганцевичского райкома КП(б)Б за 1951 г.
8. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.245. Протоколы пленумов Ганцевичского райкома КП(б)Б №№ 8,9,1-3 за 1952 г.
9. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.242. Отчеты, справки о выполнении плана заготовки кормов, о фактах нарушения устава сельхозартели и др. Июль – ноябрь 1951 г.
10. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.264. Информации, отчеты сельхозотдела Ганцевичского райкома КП(б)Б за 1952 г.
11. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.886. Докладные записки о выявлении кулацких хозяйств за 1949 г.
12. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мн., 1975. – Т.5

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ МАГНАТСКИХ РОДОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОССТАНИЙ 1830 И 1863 гг.)

О.В. Карпович

Гродненский государственный университет, г. Гродно, Беларусь

Представители высшего дворянского слоя, или, как их чаще всего называют в отечественной историографии, магнаты, к идеям обоих восстаний, в большинстве своем отнеслись довольно равнодушно. В восстаниях 1830-31 и 1863-64 гг. принимали участие лишь отдельные представители могущественных белорусских родов и существенного влияния на общий ход развития событий они не оказали. Тем не менее, и среди этих лиц было немало занимательных персонажей, которых следует выделить особо.

Среди активных участников восстания 1830-31 гг. было довольно много влиятельных лиц из так называемого среднего класса дворянской знати, именитые роды «золотой шляхты» делегировали в восстание лишь некоторых своих представителей. Одним из таких родов были Сапеги, крупнейшие после князя Льва Витгенштейна землевладельцы на Беларуси [1, с. 351]. В восстании 1830-31 гг. приняли участие три князя Сапеги – Евстафий, Ксаверий и Лев. Двое первых служили офицерами в польской армии, Лев активно субсидировал повстанцев финансами. И если князь Ксаверий и Лев Сапеги после подавления восстания присягнули на верность русскому престолу и получили «всемилодивейшее прощение», то Евстафию, получившему за службу в рядах «польских инсургентов» Золотой крест *Virtuti Militari* и

находившемуся в эмиграции в Дрездене, в прощении было отказано. Причина такого решения одна – баснословные богатства князя. После отказа Сапеге в прощении, на его имущество был наложен арест. В итоге конфискации подверглись 7 имений в Виленской, Гродненской и Могилевской губерниях с общим числом в 16777 «крестьянских душ» (10787 крепостных и 5990 свободных) и годовым доходом более 100 тысяч рублей серебром [1, с. 354]. Одно только его имение Зельва насчитывало 1117 крестьянских «душ» [2, с. 11]. Свое родовое имение в Ружанах он осмотрительно сумел продать заранее, а вырученные деньги перечислил на нужды восстания [3, с. 63].

Один из представителей другого не менее влиятельного рода – князь Михаил Геден Радзивилл стоял у истоков создания Центрального Виленского повстанческого комитета (ЦВПК) [4, с. 168]. Впрочем, достоверных данных об этом пока нет. Владелец значительных поместий почти во всех белорусских губерниях князь Габриель Юзеф Огинский с началом восстания занял должность начальника Виленского уезда, а затем стал заместителем председателя Временного Литовского правительства, попутно возглавив собственный отряд [5, с. 91-92]. Активную помощь Дисненскому уездному подпольному комитету Виленской губернии собственными средствами, оружием и продовольствием оказывал владелец ряда имений в Виленской, Гродненской и Минской губерниях граф Константин Тизенгауз [6, с. 334]. В Ошмянском уезде Виленской губернии повстанческий отряд возглавил еще один представитель рода Тышкевичей – граф Юрий.

В Гродненской губернии «золотая шляхта», как это уже видно по Сапегам, действовала наиболее активно. Так, крупный помещик Гродненщины граф Михаил Волович уже после подавления восстания создал отряд из крестьян своих имений и после ряда столкновений с войсками был арестован. Несмотря на довольно влиятельное положение в обществе, Волович был повешен в Гродно 21 июля 1833 г. [7, с. 15]. Несмотря на первоначальный отказ возглавить военный отдел Гродненского воеводства, в дальнейшем граф Тадеуш Тышкевич (крупный помещик Волковысского уезда) принял активное участие в восстании, присоединился к отряду А. Гелгута и стал председателем подпольного Центрального литовского правительства [6, с. 334]. За участие в восстании у Тышкевича помимо собственного имения (с более чем двумя тысячами крестьян) было еще конфисковано 9 питейных домов, 2 трактира, 9 домов в мест. Свислочь, бумажная фабрика, 10 мельниц, театр, торговые ряды в Свислочи, зверинец, множество картин и скульптур [8, с. 120]. Гражданским начальником Брестского уезда выступил другой не менее влиятельный помещик Кароль Немцевич (бывший уездный предводитель дворянства), а его дядя Юлиан Немцевич вошел в состав Временного Литовского правительства [6, с. 256]. В Пружанском и Кобринском уездах действовали отряды еще двух представителей «золотой шляхты» – Титуса и Владислава Пусловских, которые получили на формирование собственных подразделений 200 тысяч рублей от своего отца, действительного статского советника Войцеха Пусловского. Представитель еще одного высшего аристократического рода – граф Михаил Пац, владелец дворца в Гродно и ряда имений в Гродненской губернии командовал одним из корпусов польской национальной армии [6, с. 267]. Незадолго до начала восстания он перевел из гродненских имений в Царство Польское 69 крестьян, которые потом и были зачислены в ряды польской армии [9, с. 118].

Как видно из изложенного, высшие белорусско-литовские аристократические роды, как и все дворянство в целом, приняли довольно активное участие в этом восстании как с оружием в руках, так и оказывая немалую финансовую помощь собственными средствами. Прежде всего, такая активность магнатских родов связана с тем, что у руководства восстанием была определенная надежда на помощь со стороны ведущих европейских стран в деле возрождения Польши.

Вместе с тем, в сравнении с прошлым восстанием, дворянский слой участников восстания 1863-64 гг. выглядит уже не так внушительно. Если представители среднего класса дворянского сословия еще как-то пытались заявить о себе в новом восстании, впрочем, охладев к нему уже летом 1863 г. и направляя потом покаянные письма «государю-императору», то элитное «золотое дворянство» практически (за редким исключением) проигнорировало его. Как писал в своем исследовании советский историк А.Ф. Смирнов, «представители крупных аристократических семейств — Тышкевичи, Огинские, Радзивиллы, Тызенгауз и другие — не приняли никакого участия в восстании» [10, с. 163]. С этим следует согласиться: лишь с небольшой оговоркой: некоторые все-таки «отметились» в восстании, но их участие было чисто формальным.

Знаменитый повстанческий командир Роман Рогинский, который своими авантюрическими дерзкими акциями доставил немало головной боли властям в Гродненской и Минской губерниях, впоследствии вспоминал о своей встрече с князем Ксаверием Сапегой в Высоколитовске Пружанского уезда. Как грустно отмечал автор мемуаров, «это не был потомок тех Сапег, которые имели сабли наготове для защиты родины. Дал он нам шесть коней, две двустволки да 250 р. денег. Вот жертва, которую он принес на алтарь отечества» [11, с. 439]. Но, даже, несмотря на такое очень скромное содействие восстанию, Ксаверий Сапега решил не искушать судьбу и в том же 1863 г. эмигрировал за границу. Другой ясновельможный представитель высшего слоя элитного класса князь Матвей Радзивилл пожертвовал «на нужды восстания» 678 рублей серебром, после чего в обращении к М.Н. Муравьеву писал, что «к такому поступку... вынужден был безвыходными обстоятельствами, в которых находился в здешнем крае до прибытия в высокопревосходительства...». Следственная комиссия вникла в положение князя и его чистосердечное признание, оштрафовала заблудшую душу на 2034 рубля серебром [12, с. 181]. Подобным образом повел себя граф Генрих Тышкевич, внося свою скромную лепту «на нужды восстания», в результате чего его имение в Борисовском уезде было подвергнуто секвестру. По-настоящему серьезно за участие в восстании пострадал только один представитель крупного аристократического семейства — князь Вильгельм Александрович Радзивилл, отставной коллежский секретарь, арестованный в Киевской губернии. За участие в восстании в составе одного из отрядов Киевской губернии он был лишен «всех прав состояния, дворянства и княжеского достоинства» и выслан на постоянное место жительства в Сибирь. Попутно у него было конфисковано имение Антополь в Пинском уезде (доставшееся в наследство от отца), несколько приобретенных деревень в Сквирском и Звенигородском уездах Киевской губернии и наложен секвестр на ряд имений в той же губернии [13; 14].

Этими тремя представителями ведущих белорусских родов и ограничилось все участие высшего аристократического сообщества в восстании. Этот факт может иметь следующее объяснение: не секрет, что представители дворянства, подготавливая и начиная это выступление, немалые надежды возлагали на позицию западных европейских держав, рассчитывая на то, что Запад заставит царское правительство пойти на определенные уступки польскому населению. Как справедливо отмечал в своем исследовании видный советский историк В.М. Зайцев, имущее дворянство вступило на путь вооруженной борьбы только лишь потому, что со дня на день ожидало прибытия экспедиционного корпуса европейских держав [15, с. 138]. Без четких гарантий Запада это восста-

ние, как и предыдущее, было обречено на поражение – это понимали многие. Только представители среднего дворянства поняли это значительно позже – летом-осенью 1863 г., отправляя затем покаянные письма правительству [10, с. 252-254]. А высшие слои привилегированного сословия, используя свои многочисленные связи за рубежом, включая и правительственные круги ведущих европейских держав, и наученные горьким опытом прошлого восстания, знали это значительно раньше. А если известно все заранее, зачем рисковать своей солидной репутацией, насыпая на свою голову неминуемые репрессии властей и конфискацию имений? Поэтому представители высшего слоя дворянства принимали в восстании лишь косвенное участие: оказывали помощь материально, либо просто занимали позицию недонесения властям о случаях появления «мятежных шаек» на территории своих владений. Об этом же писали представители властей. Так, полковник Б.К. Рейхарт в донесении шефу Корпуса жандармов князю В.А. Долгорукову, относительно позиции дворянства, отмечал, что помещиков «можно разделить... на благомыслящих, которые по богатству и образованию далеки от всяких переворотов, но, боясь преследования, участвуют в польском деле поневоле материально; во-вторых, на таких, которые в душе и желали бы видеть здесь польский элемент, но не решаются открыто высказаться...» [16, с. 402].

ЛИТЕРАТУРА

1. Радзюк, А.Р. Лёс Сапегаўскай маёмасці на Беларусі пасля паўстання 1831 г. / А.Р. Радзюк // Леў Сапега (1557-1633) і яго час: зборнік навуковых прац / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 351-355.
2. Радзюк, А. Паўстанне 1831 г. на Ваўкавышчыне / Ваўкавышчына. Краязнаўчы часопіс. – 2007. – № 3. – с. 7-12.
3. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук. – Минск: БелЭн, 2004. – 576 с.: ил.
4. Шышыгіна-Патоцкая, К.Я. Нясвіж і Радзівілы (1778-1850). – Мінск: Беларусь, 2002. – 240 с.
5. Швед, В.В. Масоны і лжы на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX ст.): біябібліягр. слоўн. / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 275 с.
6. Гарбачова, В.В. Уздзельнікі паўстання 1830-1831 гг. на Беларусі: бібліяграфічны слоўнік. / В.В. Гарбачова. – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 400 с.
7. Матвейчык, Дз.Ч. Эміграцыя ў Заходнюю Еўропу ўдзельнікаў паўстання 1830-1831 гг. з Гродзенскай губерні / Дз.Ч. Матвейчык // Веснік ГрДУ. Серыя 1. – 2007. – № 2. – С. 10-16.
8. Швед, В.В. Ваўкавыскі павет падчас лістападаўскага паўстання 1830-1831 гадоў // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лесу людзей. Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, 22 снежня 1995 года. – Ваўкавыск: Ваўкавыская ўзбуйненая друкарня, 1997. – С. 117-125.
9. Данскіх Сяргей. Горадня ў паўстанні 1830-1831 гг. / Сладчына. – 2000. – № 4. – С. 116-141.
10. Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
11. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский). Перевод Г.А. Воробьева // Исторический вестник. – 1906. – т. 105.
12. Драницын, С.Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. – Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. – 301 с.
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 1721.
14. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (ЦГИА). Ф. 442. – Оп. 817. – Д. 330. – Л. 8; Ф. 486. – Оп. 9. – Д. 483. – Л. 444.
15. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1864 г. (опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М.: Наука, 1973. – 232 с.
16. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.